

Почему Центральная Азия не сможет удовлетворить энергетические потребности Европы

На первый взгляд, Центральная Азия могла бы компенсировать потери от экспорта российских энергоресурсов в Европу. Но это маловероятно.

В связи с войной в Украине и последовавшим за этим разладом в энергетических отношениях между Европой и Россией вопрос поставок в ЕС столь необходимых энергетических ресурсов обрел новую проблематику. Евросоюз загнал себя в тупик из-за многолетней чрезмерной зависимости от российского газа и неготовности к перебоям с его поставками. Теперь союз активно ищет альтернативных партнеров, модернизирует инфраструктуру и даже возобновляет работу угольных электростанций, что ставит под угрозу его экологические обязательства.

Государства Центральной Азии, имеющие большие запасы углеводородов, входят в число потенциальных источников, способных восполнить недостаток российских энергоресурсов в Европе. Отношения между ЕС и Центральной Азией строятся на энергетических связях с акцентом на торговле, данные о которой показывают преобладание экспорта природных ресурсов. Таким образом, страны Центральной Азии могли бы отчасти компенсировать потери от экспорта российских углеводородов в Европу. Тем не менее эта вероятность очень мала. И причина не в недостаточном прогрессе в демократических реформах в Центральной Азии, а в прагматичных и коммерческих решениях, принятых несколько десятилетий назад.

Немедленное энергоснабжение из ЦА остается маловероятным

Когда мы говорим о Центральной Азии как о поставщике энергоресурсов в Европу, то чаще всего имеем в виду Казахстан и,

возможно, Туркменистан. Последний уже частично присутствует в структуре европейского энергоимпорта, Казахстан еще не реализовал свой потенциал. Чтобы доставить в Европу дополнительные ресурсы из этих стран, нужно искать свободные мощности. Например, добыча энергоносителей в Казахстане уже работает на максимальную мощность, при этом 80 процентов нефти из Казахстана проходит через Каспийский трубопроводной консорциум (КТК), а возможность увеличить поставки через трубопровод «Дружба» достаточно ограничена, несмотря на регулярные переговоры с Германией и Польшей. Кроме того, в 2022 году страна столкнулась с некоторыми проблемами при экспорте углеводородов на международные рынки по трубопроводам, проходящим через Россию, из-за закрытия портовых сооружений в Новороссийске.

Зависимость от российских трубопроводов, связывающих Казахстан и Европу, ставит страну в шаткое положение: это не способствует готовности европейских государств разорвать связи с Москвой, а также не дает возможности сформировать альтернативные маршруты транспортировки среднеазиатской нефти и газа в краткосрочной перспективе. Кроме того, несмотря на огромные запасы и разработку новых месторождений, инвестиции в дальнейшую разведку в Казахстане в последние годы сократились. По мнению некоторых специалистов в этой отрасли, это соответствует мировым тенденциям в энергетике из-за низких цен на нефть, а также неблагоприятного инвестиционного климата в стране.

*Поскольку страны
Центральной Азии
географически удалены
от европейских рынков и
не имеют прямого
выхода к международным
водам, трубопроводы
являются единственным
возможным решением
для транспортировки
энергоресурсов*

В настоящее время Туркменистан напрямую не поставляет природный газ на западные рынки, поскольку его основными направлениями экспорта остаются Китай и Россия, а также – в меньшем количестве – другие страны Центральной Азии. Соглашение о соопе, подписанное между Азербайджаном, Ираном и Туркменистаном в 2021 году, предусматривает поставку 2 млрд куб. м туркменского газа в Иран, что в дальнейшем обеспечивает поставку эквивалентного объема газа в Азербайджан. Это открыло возможность облегчить продажу туркменского газа на европейские рынки. О таких договоренностях президент Эрдоган дополнительно заявил на трехсторонней встрече с руководством Туркменистана и Азербайджана 14 декабря 2022 года.

Если немедленное увеличение поставок из Казахстана и Туркменистана в Европу маловероятно, возможно ли среднесрочное или долгосрочное сотрудничество? В конечном счете все сводится к транспортным маршрутам и инфраструктуре. Поскольку страны Центральной Азии географически удалены от европейских рынков и не имеют прямого выхода к международным водам, трубопроводы становятся единственным возможным решением для транспортировки энергоресурсов.

Зависимость от решений, принятых десятки лет назад

Ответ на поставленный выше вопрос следует искать в прошлом – около 20 лет назад. Окно возможностей для строительства трубопроводной инфраструктуры между двумя странами закрылось, когда ЕС предпочел возобновившиеся отношения с Россией, а также из-за прагматичного подхода к более дешевому газу северного соседа. Вопреки распространенному мнению, ЕС предвидел проблемы, связанные с чрезмерной зависимостью от поставок энергоресурсов из России, и рассматривал возможность диверсификации партнеров еще в 2006 году, когда возникли первые трения между Украиной и Россией по поводу транзита газа. Именно тогда оживился интерес к проекту Транскаспийского трубопровода (впервые предложенному в начале 1990-х годов). Несмотря на многочисленные встречи и переговоры, проект так и не был реализован. Аналогичная ситуация повторилась в 2008 году, а затем в 2014-м, когда напряженность в отношениях с Россией по поводу поставок газа обострилась. Важно отметить, что, поскольку правовой статус Каспийского моря в то время еще не был окончательно определен, Россия и Иран категорически возражали против идеи любого проекта Транскаспийского трубопровода, ведь он явно уменьшал их влияние как транзитных путей для стран Центральной Азии.

Пока шло обсуждение проекта Транскаспийского трубопровода, возникали и другие экспортные маршруты. Открытие газового месторождения Шах-Дениз у берегов Азербайджана и, как следствие, работа над железнодорожными и трубопроводными маршрутами через Грузию и Турцию снизили приоритет ресурсов из Центральной Азии. Последним событием в фокусе ЕС с точки зрения стратегии энергетической диверсификации стало решение о строительстве Трансадриатического (TAP) и Трансанатолийского (TANAP) маршрутов и, наконец, Южного газового коридора (SGC). Это поставило потенциал стран Центральной Азии по поставкам в

Европу в зависимость от этих маршрутов, а это означает, что им в конечном итоге придется доставлять нефть на объекты в Азербайджане с использованием танкеров. Но поскольку прямого трубопровода, связывающего Туркменистан с Азербайджаном, нет, было бы финансово невыгодно доставлять танкерами сжиженный природный газ, который очень дорог и, следовательно, неконкурентоспособен. Более того, приоритетность ТАР, TANAP и SGC забила последний гвоздь в крышку гроба другого трубопроводного проекта по доставке ресурсов Центральной Азии в Европу – трубопровода «Набукко».

Ситуацию не следует рассматривать как безвыходную для сотрудничества между ЕС и Центральной Азией, она может мотивировать более устойчивое и перспективное партнерство в области чистой энергетики

Смещение акцента ЕС в сторону Южного Кавказа неудивительно, поскольку этот регион является частью проекта Европейского соседства и намного ближе географически. В условиях нынешнего энергетического кризиса и острой потребности в дополнительных энергоресурсах ЕС находится в сложном положении. Исторический недостаток инвестиций в трубопроводную инфраструктуру на Каспийском море означает, что дополнительные ресурсы из Центральной Азии не получится доставить в короткие сроки. И что еще более важно, даже при маловероятном сценарии начала строительства Транскаспийского трубопровода в ближайшем будущем потребуются не менее 10 лет, чтобы доставить энергоресурсы Центральной Азии на европейские рынки. Обязательства ЕС по нулевым выбросам, планы декарбонизации и введение налога на выбросы углерода в 2026 году ставят под большой вопрос жизнеспособность такого трубопровода в целом.

Однако ситуацию не следует рассматривать как безвыходную для сотрудничества между ЕС и Центральной Азией. Напротив, она может мотивировать более устойчивое и перспективное партнерство в области чистой энергетики. Работа, которая уже проводится в области возобновляемых источников энергии, зеленого водорода и энергоэффективности в регионе при поддержке ЕС, является положительным признаком многообещающих отношений в области энергетики в будущем. В частности, с учетом прагматичного

поворота во внешней политике ЕС в отношении Центральной Азии – когда внимание сосредоточено на усилении безопасности, экономического и энергетического сотрудничества с учетом геоэкономического и геополитического ландшафта в регионе в целом – развитие совместных энергетических проектов поможет укрепить сотрудничество между регионами. Крайне важно помнить об уроках прошлого и не упускать стратегически важные возможности.

Алия Цхай

Д-р Алия Цхай (Aliya Tskhay) работает научным сотрудником в Сент-Эндрюсском университете. Она исследует цели достижения нулевого уровня выбросов, технологии с отрицательным выбросом углерода и переход к возобновляемой энергетике.

